

Николай Владимирович

Сомин – кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем информатики РАН, бакалавр богословия, преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Почему у России нет альтернативы православному социализму

Сначала об очевидном. Ни для кого не секрет, что ныне Россия находится в крайне тяжелом состоянии, просто на грани небытия. Развал экономики, несправедливость социальной структуры, упадок культуры, бытовой разврат, кризис национальной жизни, провал демографии – все это хорошо известно. И причина этого тоже очевидна: несвойственный русской цивилизации социальный строй – капитализм. Попросту говоря, мы гибнем от рынка, делающего из русского человека эгоиста и морального урода.

Капитализм был навязан России Западом – нашим всегдашним, наиболее злым и сильным противником. Именно провоцируемый капиталистическим рынком примат личной выгоды перед общими интересами разрушает глубинные основы рус-

ской жизни и делает нашу страну беззащитной перед западной экспансией. И выскочить из этого капкана, оставаясь в рамках капитализма, шансов нет. Поэтому, чтобы выжить, Россия должна отбросить губящий ее социальный строй, выработать и реализовать иной образ социального бытия. Какой?

Прежде всего опирающийся на традицию, на многовековую историю русской цивилизации. История дается народу не для того, чтобы топтать ее ногами, а для уяснения, как народ может успешно продолжать свое историческое шествие. И наша история показывает, что наиболее успешные ее периоды были связаны не с развитием рынка, а с утверждением идеи служения (Богу, царю, Отечеству, народу, общине), которая требует иной – нерыночной – модели экономики. Таких ориентиров

Илья Репин. Крестный ход в Курской губернии. 1880–1883

мы придерживались в периоды Московского царства (XVI–XVII века) и советского социализма (XX век). В то же время эпохи, когда Россия втягивалась в рыночную стихию (вторая половина XIX века и весь пока еще непродолжительный XXI век), приводили к довольно быстрой потере хозяйственной независимости (а ныне – фактически и государственной независимости).

Необходимо, чтобы чаемый социальный строй был морально выше навязываемого нам капитализма. Только высокое целеполагание общества может обеспечить ему победу. Раньше мы всегда это понимали, и недаром наши предки называли себя Святой Русью, то есть обозначали самую высокую планку, какую только может поставить перед собой народ как целое. Сейчас же, в результате нашей общенациональной деградации, эта

История дается народу не для того, чтобы топтать ее ногами, а для уяснения, как народ может успешно продолжать свое историческое шествие.

мысль забывается. И вообще нравственная составляющая социального устройства практически забыта. Польза, прибыль, нажива – стимулы, ранее всегда у русского человека вызывавшие подозрительность и даже презрение, стали теперь легитимными и безусловными константами нашей жизни. Но нравственность отменить нельзя. Это в полной мере относится и к экономическому укладу. Наши русские философы прекрасно понимали, что экономика – не просто механизм удовлетворения материальных потребностей, а поле борьбы добра со злом. Например, Николай Бердяев считал, что «экономика насквозь духовна», а о. Сергей Булгаков называл экономику «приклад-

ной нравственностью». В таком же ключе высказывался и Владимир Соловьев, по мнению которого, экономика является лишь «поприщем для применения единого нравственного закона». Словом, будущее России связано с нравственно более высоким экономическим строем, чем капитализм.

Наконец, в национально-государственную идеологию должна быть введена религиозная составляющая. В случае России – православие, поскольку именно оно исторически явилось государственно-образующей религией России. И неудивительно, что по данным социологических опросов более 70 процентов населения России считают себя православными. Но дело не только

О. Сергей Булгаков

в этом. Православие — подтвержденная веками, проверенная истина, и потому следование ей является обязанностью честного и нравственного человека. Православие говорит со всей определенностью, что культ мамоны (языческого бога богатства) несовместим с верой в Бога. «Не можете служить Богу и мамоне», — восклицает Спаситель (Мф. 6: 24). Но именно на это — на служение деньгам, наживе, прибыли, в общем, мамоне — толкает нас рыночная экономика. Разумеется, не все этому нажиму поддаются, но таковые оказываются идущими против течения и потому подвержены опасности быть выброшенными из социума. Большинство же выбирает мейнстрим, а вместе с ним и культ мамоны. Отсюда и неизбежный вывод, что капитализм — социальный строй, удаляющий человека от Бога. О том же говорит и история человечества, в которой наступление капитализма как

правило было связано с упадком веры и маргинализацией религии.

Православный социализм — теоретические основания и практические конструкты

Что такое православный социализм? Если сказать одной фразой, то это социалистическая экономика, поддерживаемая православной идеологией. Конечно, тут требуются разъяснения.

Под социалистической экономикой подразумевается экономический строй, основанный на общественной собственности на средства производства. Причем, следует сказать точнее — государственной собственности. Частный сектор, как и сектор кооперативно-общинной собственности, остаются, но они не играют первостепенной роли. Локомотивом социалистической экономики являются государственные предприятия, работающие по единому государственному плану. Пробразом такой экономики служит экономика советского периода, а точнее — сталинской эпохи 30–50-х годов минувшего века.

Однако православный социализм кардинально отличается от советского социализма совершенно другой идеологией — православной. Под православной идеологией понимается система государственно-образующих идей, в основе которых лежит православная вера. В частности, православная идеология дает обоснование того, что именно социалистическая (в указанном выше смысле) экономика не только согласуется с догматами православной веры, но и является гораздо более близкой идеалам христианства, чем рыночная (капиталистическая) экономика.

Другое важное положение православной идеологии — православное государство, с одной стороны, владеющее мощным комплексом государственных предприятий, а с другой — признающее авторитет Православной церкви и сотрудничающее с ней в государственных делах. Тем самым Православная церковь получает статус выделенный, государственный. Разумеется, Церковь в текущих делах управления не участвует, но она определяет общий курс и влияет на наиболее важные, судьбоносные для России решения. В смысле политического устройства не только допустима, но даже желательна православная монархия. Такова в самых общих чертах социальная конструкция православного социализма. Конечно, это только общая схема, которая порождает массу вопросов.

Русский социализм не может не быть православным

Совместим ли социализм с православием? Зачастую (особенно среди православных ортодоксов) высказывается мнение, что социализм абсолютно несовместим с православием, что такое совмещение — абсурд, «круглый квадрат», потому оно и не может быть реализовано в жизни. Да, православие и социализм — сущности разнородные, они указывают на разные стороны бытия. И именно поэтому они в принципе могут быть совместимыми друг с другом. Несовместимы православие и ислам, несовместимы социализм и капитализм, поскольку это идеи, занимающие одну и ту же нишу и конкурирующие между собой. А вот православие и социализм в принципе вполне совместимы. Почему социализм ближе к христианству, чем рынок? Но, может быть, именно капита-

лизм куда лучше совместим с православием? Нет, это не так. И в подтверждение можно привести множество богословских аргументов. Приведем из них лишь один. Православие предполагает личный аскетизм — обилие вещей, большое богатство пленяют душу, отвращая ее от Бога. Но как аскетам организовать свое государство? Оно ведь должно быть по необходимости сильным, по крайней мере, в хозяйственно-техническом отношении, поскольку должно обороняться от внешних врагов. Капитализм развивает технологии, но он совершенно противопоказан идее аскетизма. Там наоборот — бесконечное производство все новых и новых товаров и их навязывание для потребления. А вот православный социализм, базирующийся на государственной промышленности, вполне позволяет совместить эти идеи: личный аскетизм отнюдь не противоположен государственной мощи.

Россия с разных сторон пыталась реализовать задачу создания праведного общества — сначала христианским проектом «Третий Рим», а затем советским проектом. Оба проекта оказались лишь подступами к православному социализму. Бог ждет от нас исполнения этой Русской идеи.

Достигается ли тут социальная справедливость? Сначала заметим, что в либеральной экономике осуществить социальную справедливость невозможно, ибо цель такой экономики иная — максимизация личной прибыли. Происходящие там процессы выравнивания доходов — подачки, чтобы население не слишком возмущалось. Да и делаются они за счет ограбления других стран, не входящих в «золотой миллиард». В рамках же православного социализма установление справедливости вполне возможно. Конечно, сама по себе государственная собственность справедливости не гарантирует — для этого нужно, чтобы государство объявило социальную справедливость своим главным

приоритетом. Таким и должно быть православное государство. Разумеется, это произойдет лишь в том случае, если наши богословы наконец-то признают установление справедливости богоугодным делом. Какова мотивация труда в православном социализме? Православный социализм не отрицает необходимости материального обеспечения жизни человека. Но все же религиозная мотивация главенствует. Работать ради Бога, ради любви к ближнему, ради спасения в вечности — вот мотивы, как представляется, наиболее сильные для верующего человека. В то же время мотив наживы, стяжания как можно большего богатства православный социализм не приемлет. И именно в этом — в мотивации

Под свободой христианство понимает свободу от греха, а вовсе не свободу от ограничений.

труда — можно усмотреть его основное моральное преимущество перед рыночной экономикой.

Почему такой строй сможет противостоять западной экспансии? Потому что он ближе к Божьим заповедям, чем строй наших противников, и, следовательно, угоден Создателю. Потому что он предполагает возрождение России на основе деятельного труда, направляемого нравственно вы-

сокой мотивацией. Потому что народ наш из нынешнего разобщенного и развращенного населения с помощью такого строя получит шанс превратиться в единый социальный организм, исповедующий высокие христианские ценности. Наша русская история эту уверенность подтверждает. Советский социализм, даже имея атеистическую идеологию и крайне несовершенную мотивацию труда, 70

лет успешно противостоял превосходящим силам Запада, победил в страшной войне с гитлеризмом и построил великое государство. Имея более совершенную — истинную — идеологию, наш народ тем более сможет выстоять на этом новом витке противостояния. И более того, в православном социализме он обретет способ достижения своей заветной цели — создания праведного общества. Россия дважды с разных сторон пыталась реализовать эту задачу — сначала христианским проектом «Третий Рим», а затем советским проектом. Достигнуть синтеза не удалось — оба проекта оказались лишь частичными подступами к православному социализму. Но история еще не кончилась, и Бог ждет от нас исполнения этой Русской идеи.

Перечисленные вопросы, разумеется, далеко не все, которые можно задать. Можно, например, возразить: «Ну, а где же частная инициатива, чувство хозяина — ведь всего этого социализм не дает? Где свобода? Не старый ли это тоталитаризм, только в новой идеологической упаковке? Не утопия ли все это?» Что ж, и эти вопросы имеют право быть поставленными. Но для ответа на них нужно погрузиться в практическое построение православного социализма.

Индивидуалисты и коллективисты

Хорошо известно, что по отношению к социуму люди делятся на две психологические группы — индивидуалистов и коллективистов.

Индивидуалисты ставят себя, свои цели выше общественных целей. Они стремятся быть максимально независимыми от остальных и любые ограничения, налагаемые на них обществом, воспринимают как каторгу, как «тоталитаризм». Поэтому поведен-

Караваджо. Взятие Христа под стражу. 1598

ческая свобода для них — высшая ценность, и они стремятся к такому социальному укладу, где подобная свобода максимальна.

Коллективисты, напротив, отдают приоритет общественным, а не личным ценностям. Поэтому их отношение к социуму выражается в идее служения ему. Коллективисты служат царю, Отечеству, нации, общине и рассматривают эти понятия не как давящую на них среду, а как среду, максимально благоприятную для их жизни, как большую семью. В этой семье они живут, ей отдают свои силы, но и как

Засилье индивидуалистов затрудняет реализацию православно-социализма .

члены семьи рассчитывают на ответную заботу к себе со стороны других членов семьи. Современная социальная психология просто отмечает различие между этими установками. Но христианство идет глубже. С точки зрения христианской нравственности, коллективисты находятся на более высокой ступени — они готовы жертвовать своими интересами ради общего, а значит — ради ближних. А ведь именно жертва является сущностью хри-

стианской любви. Индивидуализм же христианство рассматривает как разновидность эгоизма, расцветшего в человечестве после грехопадения праотцев. Ибо под свободой христианство понимает свободу от греха, а вовсе не свободу от ограничений. Отсюда ясно, что социализм с его коллективизмом и идеей служения оказывается ближе к христианству, чем индивидуалистичный капитализм. Ближе, заметим, в смысле самой сокровенной

Надо создать православную идеологию, то есть план организации российского социума на основе христианских ценностей.

христианской идеи — любви к ближнему.

Ясно и другое — православный социализм будут поддерживать именно коллективисты. Ибо он отдает им предпочтение и ограничивает эгоистичные стремления индивидуалистов. Однако из-за человеческого грехопадения индивидуализм крайне живуч. Собственно западная рыночная экономика является его экспансией в социальную жизнь. И естественно, что именно за такую экономику и держатся индивидуалисты.

Что касается русских, то нельзя сказать, что они — ярые коллективисты. Нет, коллективизм русских умеренный, старающийся сохранить лич-

ную свободу, коллективизм не бытовой, а скорее нравственный, который ярко проявляется лишь в тяжелую минуту. Но западный индивидуализм волчьей стаи для нас совершенно неприемлем. И сейчас ведется война, война за души людей, за то, чтобы сохранить в них коллективизм.

Именно засилье индивидуалистов и затрудняет реализацию православного социализма. Впрочем, чем более высоким в нравственном смысле стремится быть общество, тем сильнее обнажается противоречие между коллективистами и индивидуалистами. Поэтому неудивительно, что последними православный социализм, конечно же, будет вос-

приниматься как «тоталитаризм», «казарма» и ему будет оказываться активное сопротивление. Но давайте разберемся, так ли уж «тоталитарен» православный социализм?

Начнем с того, что в православном социализме проводится принцип не запрещения, а отдания предпочтения. Для людей, которые не могут себя мыслить вне бизнеса, есть частный сектор. Однако фактически он представляет собой отстойник фанатов капитализма, у которых нет шансов завладеть всем социумом, поскольку они находятся под государственным контролем, особенно — в области ценообразования. Православная вера также не является обязательной (ведь «невольник — не богомольник») — допустимы все неэкстремистские конфессии

и традиционные религии, в том числе и атеизм. Но предпочтение отдается все же православия как исторически обусловленной государственной-образующей религии. Наконец, допустима и даже всячески приветствуется общинная форма собственности, отличная от государственной. Однако предпочтение будет отдаваться православным трудовым общинам единомышленников, в которых производственные отношения пронизаны духом христианской любви. Эти «общины любви» должны являться и нравственными, и трудовыми образцами для всего народа. Но все равно сам принцип предпочтения вызовет у индивидуалистов яростное неприятие. Поэтому необходима определенная степень принуждения, по возможности, мягкая. «Вот он тоталитаризм!» — послышатся вокруг крики. По этому поводу надо сказать следующее. Есть принуждение и принуждение. Принуждение в целях возвышения или обогащения какого-то отдельного лица (или группы лиц) совершенно безнравственно, и всякий человек должен против такого принуждения восставать. Но есть принуждение ради выживания, ради сохранения целого в критической ситуации. А вот такое принуждение спасительно, и оно должно быть, несмотря на тягости, принято. Кстати, так частенько бывало в истории Руси. Последний раз — во время Великой Отечественной войны. Сейчас — именно такая критическая ситуация. Мы — на краю пропасти, и камешки из под ног уже сыплются вниз. Угроза для страны и народа — смертельная. Точка невозврата где-то совсем близко. Поэтому собрание нации под идеей православного социализма является необходимостью, даже если оно сопряжено с при-

нуждением. Отсюда, кстати, не приходится сомневаться в том, что православный социализм — вовсе не рай на земле. Он есть строй трудовой справедливости, строй служения Отечеству, строй, огражденный законами, за невыполнение которых следует наказание. И все же это будет во всех отношениях лучше, чем жестокая и в социальном плане бесперспективная военная диктатура, к которой вполне возможно скатится наша история.

Православный социализм как практическая повестка дня

Если говорить о конкретике, то для построения православного социализма необходимы следующие шаги.

Первый. Россия должна восстановить свой промышленный потенциал, поддержать собственную промышленность и аграрный сектор, ввести разумную автаркию (в этом смысле вступление в ВТО — шаг самоубийственный). Необходимо поднять армию, оснастить ее новейшими видами вооружения.

Второй. Надо создать православную идеологию, то есть план организации российского социума на основе христианских ценностей. В основу идеологии должна быть положена идея православного социализма. Эта идеология должна быть взята на вооружение и нашей Церковью.

Третий. Надо остановить вымирание русской нации. Русский крест должен изменить свой вид — чтобы кривая рождаемости пошла вверх, а смертности — вниз. Это можно сделать на основе широкой популяризации ценностей многодетной православной семьи.

Четвертый. По выполнении, хотя бы частичном, предыдущих шагов следующей глав-

ной задачей становится возрождение православного (то есть руководящегося православной идеологией) государства. В принципиальном плане политическое устройство власти несущественно — важно лишь, чтобы власть поддерживала и укрепляла социальный строй православного социализма. Однако практически лучшей в данных форс-мажорных условиях будет форма православной монархии.

Пятый. Необходимо воссоединение в единое государство православных славянских народов, прежде всего — русского, украинского и белорусского. Восстановление (пусть неполное) в географическом смысле Советского Союза — условие обязательное.

Шестой (самый трудный). Надо изменить экономический строй, национализировать хозяйство (мирным путем), минимизировать частный сектор, возродить плановое хозяйство.

Седьмой. Последний по порядку, но не по важности: создать сеть православных трудовых «общин любви».

Каждый из этих шагов труден, проблематичен, поскольку и внешнее, и внутреннее противодействие будет огромным. Хотя не невозможен — была бы воля к их осуществлению. Увы, пока все идет в обратном направлении, и мы летим в пропасть. Но наш разговор о будущем — о будущем должном, о будущем, наступление которого станет исполнением Божьего замысла о русском народе. Такой разговор все равно необходим. Ведь кто знает, может быть, несмотря на все наши пессимистичные выкладки, все повернется иначе. И Божий промысел, которого мы и представить себе не можем, откроет нам возможность построения православного социализма.